

Научная статья
УДК 334.241.8

Уголовно-правовая охрана порядка исполнения судебных решений в отечественном средневековом праве

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА САЛМИНА

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний», Вологда, Россия, sia1405@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется эволюция уголовно-правовой охраны порядка исполнения судебных решений в отечественной истории на основе изучения средневекового отечественного законодательства. Уделено внимание не только уголовно-правовым проблемам, но также сопутствующим вопросам организации исполнения судебных решений.

Ключевые слова: судебные решения, порядок исполнения, уголовно-правовая охрана, эволюция, средневековое отечественное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Салмина И. А. Уголовно-правовая охрана порядка исполнения судебных решений в отечественном средневековом праве // Lex criminalis scientiarum: сетевой научно-практический журнал «Уголовно-правовые науки». 2024. Том 1. № 2 (2). С. 117-121.

Original article

Criminal law protection of the procedure for the execution of court decisions in the domestic medieval law

IRINA A. SALMINA

Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Federal State Educational Institution of Higher Education "Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service", Vologda, Russia, sia1405@mail.ru

Abstract. The article analyzes the evolution of criminal law protection of the order of execution of court decisions in Russian history based on the study of medieval domestic legislation. Attention is paid not only to criminal law problems, but also to related issues of the organization of the execution of court decisions.

Key words: judicial decisions, the order of execution, criminal law protection, evolution, medieval domestic law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Salmina I.A. Criminal law protection of the procedure for the execution of court decisions in the domestic medieval law. *Lex criminalis scientiarum: network scientific and practical journal "Criminal legal sciences"*, 2024, vol. 1, no. 2 (2), pp. 117-121.

В отечественной истории исполнение судебных решений не всегда обеспечивалось средствами уголовного права. Основная причина этого кроется в зависимости между криминализацией деяний в интересах правосудия и определенным уровнем организации аппарата государственной власти.

В ситуации, когда суд, законотворчество и правореализация были сосредоточены в едином источнике власти, а административные органы соответствовали институтам так называемой дворцово-наследственной системы управления. [6, с. 154], вряд ли могли возникнуть предпосылки для криминализации такого деяния, как неисполнение требований судебного акта. Феодальный режим, представленный князем и его властью, принимал собственные законы, принимал собственные решения в соответствии с собственными положениями и обеспечивал исполнение собственных законов. Нелогично, по крайней мере в конкретном историческом контексте, чтобы власти использовали против себя уголовное принуждение на том основании, что их решения не исполнялись.

Вероятность уголовного наказания за подобные действия была не столь высока в период Судебников, когда дворцово-вотчинная административная система постепенно заменялась приказной. В центральном административном органе - Приказе - нет четкого разграничения между судебными и административными функциями при осуществлении своих полномочий.

Правосудие осуществляется царем, Боярской Думой, приказами [7, с. 405] и выступает как вид управленческой деятельности, при котором приговоры приводились в исполнение органами, их вынесшими. Возможно, конечно, что служащий (дьяк) того или иного приказа по корыстным или другим мотивам мог саботировать исполнение судебного акта. Однако в этом случае его деяние выступало, скорее, как должностное преступление, направленное на нарушение нормальной деятельности государственного аппарата, нежели чем преступление против правосудия. На местах некоторые воеводы (наиболее важных и отдаленных городов) получали право безапелляционного суда, что делало неисполнение требований приговора еще менее вероятным [2].

При феодальных методах управления обществом, когда все виды государственной деятельности осуществлялись единым властно-административным центром, возможность криминализации деяний, выражающаяся в несоблюдении требований судебной деятельности, существовала, пожалуй, только в условиях феодальной республики. Как уже говорилось, судебная власть в этот исторический период слилась с исполнительной, а судебная власть - с государственной. В Великом Новгороде, например, судебная власть была разделена между владыками, князьями, вечевыми людьми и их чиновниками, у каждого из которых были свои суды. Неоднозначность государственной власти означала, что интересы подданных, которым эта власть принадлежала, были сбалансированы.

Например, согласно ст. 2 Новгородской судной грамоты, князь не мог судить без посадника - высшего должностного лица новгородской администрации [10], и, наоборот, для обеспечения легитимности суда посадника требовалось присутствие на нем князя или его наместника. По мнению В.О. Ключевского, «столь заботливо расчлененное судоустройство, по-видимому, прочно обеспечивало право и общественное спокойствие» [4, с. 72]. На наш взгляд, «разобщенность судебной системы» была предпосылкой невыполнения требований к судебным действиям в такой ситуации. Ослабление судов проявилось в характерном для феодального республиканизма взаимном ограничении субъектов государственной власти, частично выраженном в множественности судебных полномочий и удвоенном статусом вольных городов, где фактической верховной властью считалось народное собрание, а на-

селение через третейских судей - в большинстве споров и конфликтов. Как правило, они решали их в договорном порядке. [5, с. 331-332].

Ни один из субъектов осуществления правосудия не взял на себя функции по исполнению судебного акта, возложив эту обязанность на тяжущиеся стороны. Согласно ст. 34 Новгородской судной грамоты, виновный или проигравшее процесс лицо [5, с. 333], в течение месяца могли договориться с истцом (потерпевшим) и судьями по вопросу уплаты судебных пошлин и возмещения убытков. Если осужденный в указанный срок не вступал в переговоры с истцом и судьями, то заинтересованная сторона брала приставов с веча, которые обеспечивали исполнение судебного акта. Статья также содержала предписание казнить виновного «всим Великим Новымгородом», если последний «хоронился» (скрывался) от приставов. Как видим, речь идет не о реальном исполнении требований приговора какими-либо органами государственной власти, а об их потенциальном обеспечении репрессивным воздействием в случае, если сами стороны не урегулируют вопросы, возникшие в связи с реализацией таких требований, что, скажем прямо, не одно и то же. Вообще, появление уголовно-правовой нормы, обеспечивающей исполнение судебного акта, в конкретно историческом контексте есть свидетельство не столько развитости законодательства, сколько слабости судебной власти [12, с. 140-141].

Однако на определенном историческом этапе государственный институт развивается до такой степени, что его структура приобретает форму пирамиды, а между его составными частями распределяется функциональная ответственность за осуществление различных видов государственной деятельности. Появляется возможность более эффективно регулировать определенные общественные сферы жизни, но в то же время снижается управляемость элементов "пирамиды управления", и управляющее поведение автоматически не корректируется [1, с. 298]. Механизм государства достигает такой степени дифференциации, когда определенные противоречия между его институтами при осуществлении государственной деятельности становятся вполне возможными. Именно развитие этого государственного аппарата служит наиболее распространенной предпосылкой для криминализации нарушений при исполнении судебных актов, поскольку именно в такой социальной ситуации совершение подобного рода деяний становится вполне реальным. Кроме того, можно сказать, что эти преступления являются своеобразной «платой за прогресс». Как только определенная сфера государственной деятельности выводится из-под юрисдикции административного органа, необходимо следить за ее выполнением, что гарантируется применением санкций [9, с. 92], т.е. посредством установления уголовно-правовых запретов рассогласованного поведения в управленческой деятельности государства.

Как известно, полноценное обеспечение интересов правосудия предполагает не только наличие относительно развитого государственного аппарата, но и наличие особых видов государственных органов, предназначенных для осуществления определенной правоохранительной деятельности. Эти государственные институты в литературе обычно именуется правоохранительными органами или органами правосудия [3, с. 57], поскольку они осуществляют специфические функции, связанные с расследованием преступлений, рассмотрением уголовных и гражданских дел, материалов об административных правонарушениях, исполнением приговоров и решений, вступивших в законную силу. Отдельные элементы такой системы начинают складываться в России во второй половине XVII в. В частности, ст. 101 главы XXI Соборного Уложения служит косвенным подтверждением этому: она хотя и не устанавливает ответственность разбойников за побег из тюрем, но, тем не менее, предусматривает возможность его совершения, определяя порядок уплаты вытей (компенсаций) истцам, которые они могли бы взыскать с беглецов.

В период образования централизованного государства суд все еще не был отделен от административных органов, однако его значение в осуществлении государственной деятельности законодатель XVII в. начинает осознавать и отражать в нормативно-правовых

актах с большей тщательностью, нежели его предшественники. Ст. 154 главы X Соборного Уложения 1649 г. обеспечивала уголовно-правовую охрану судебного акта по гражданскому делу, запрещая вторично рассматривать вступившие в силу решения и устанавливая наказание за повторение иска в виде битья батогами. Кроме того, ст. 104 главы XXI Уложения предусматривала торговую казнь («бити их кнутом нещадно») для должностных лиц центрального и местного управления - воевод, приказных людей, губных старост [11, с. 157] – за освобождение без «государева указа» из тюрем татей, воров и разбойников, после полугодовой изоляции от общества, совершенное с целью обращения в крестьянство или холопство.

С.И. Штамм, комментируя данную норму, ограничивается только констатацией факта должностного преступления, уделяя основное внимание лишь тому, в чьем хозяйстве пользовался незаконно освобожденный - должностного лица или иных субъектов, которым он был передан по свойству или по дружбе [8, с. 432]. На наш взгляд, с такой трактовкой нельзя полностью согласиться. Очевидно, речь в статье идет об ответственности не столько за обращение осужденных в феодально зависимое население, сколько за нарушение требований своеобразного условно-досрочного освобождения. В пользу этого говорит, во-первых, четко указанный срок изоляции от общества (до полугодя). Как правило, заключение в тюрьму назначалось по Уложению либо на очень короткие сроки (неделю, месяц, полгода) либо сроки лишения свободы вовсе не указывались («вкинути в тюрьму», «вкинути в тюрьму до государева указа»), что целиком отдавало решение вопроса на усмотрение правоприменителя [12, с. 331]. В данном случае этот термин прямо упоминается. Во-вторых, в статье содержится ссылка на «государев указ», который делает освобождение невозможным. Учитывая статус царя как верховной власти, логично предположить, что указанное распоряжение представляет собой нечто среднее между актом помилования и решением об условно-досрочном освобождении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. М., 1997.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Русское гражданское и уголовное право. Суд и процесс. Глава «Период московский». М., 1909.
3. Дворянсков И. В. Уголовно-правовая охрана процессуального порядка получения доказательств. – Ульяновск, 2001.
4. Ключевский В. О. Сочинения. Т. 2. М., 1957.
5. Мартышин О. В. Вольный Новгород. М., 1992.
6. Очерки истории СССР. IX-XIII вв. М., 1953.
7. Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955.
8. Памятники русского права. Вып. 6. М., 1957.
9. Поппер Карл. Открытое общество и его враги. Пер. с англ. М., 1992.
10. Российское законодательство X - XX в.в. Т.1. М., 1985.
11. Словарь русского языка XI - XVII вв. Вып. 4. М., 1977.
12. Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. Юрьев, 1912.

REFERENCES

1. Atamanchuk G.V. Theory of Public Administration. M., 1997.
2. Vladimirskiy-Budanov M.F. Russian civil and criminal law. Court and process. Chapter "The Moscow Period". M., 1909.
3. Dvoryanskov I.V. Criminal-legal protection of the procedural order of obtaining evidence. - Ulyanovsk, 2001.
4. Klyuchevskiy V.O. Works. T. 2. M., 1957.
5. Martyshin O.V. Volny Novgorod. M., 1992.
6. Sketches of the History of the USSR. IX-XIII centuries. M., 1953.
7. Sketches of the History of the USSR. XVII c. M., 1955.

8. Monuments of Russian law. Вып. 6. М., 1957.
9. Popper Karl. Open Society and Its Enemies. Пер. с Engl. М., 1992.
10. Russian Legislation of the X - XX century. VOL. 1. М., 1985.
11. Dictionary of the Russian language of the XI - XVII centuries. Вып. 4. М., 1977.
12. Filippov A.N. Textbook of the History of Russian Law. Yuryev, 1912..

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА САЛМИНА – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний», Вологда, Россия, sia1405@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

IRINA A. SALMINA – Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Federal State Educational Institution of Higher Education "Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service", Vologda, Russia, sia1405@mail.ru

Статья поступила 11.11.2024